

Романтика нас объединяет

Знаменитый британский скульптор Игорь Устинов также имеет непосредственное отношение к семье Бенуа — Лансере — Серебряковых, экспертом по творческому наследию которой является Екатерина Евгеньевна Лансере (интервью с Е.Е. Лансере см. на с. 58). Он, в частности, является автором бронзовой статуэтки «Бенуа де ля данс» — приза ежегодного конкурса мастеров балетного искусства. В беседе со специальным корреспондентом «ЭС» Ларисой Полковниковой Игорь Устинов размышляет о месте гуманистических ценностей в прагматичном современном обществе.

Игорь, Вы участвуете в проведении года Франции в России и России во Франции?

С мая по сентябрь 2010 г. в Париже (в двух разных местах) проводятся выставки моих работ. Мы очень надеемся, что удастся организовать нечто подобное здесь, в России. Под Парижем все лето работает выставка Евгения Александровича Лансере. Удивительное стечение обстоятельств: два русских и в то же время абсолютно французских скульптора, представители великого художественного клана Бенуа — Лансере — Серебряковых, будут одновременно представлены во Франции. Их искусство является основополагающим для определенного отрезка времени, а может быть, и всей истории мировой культуры. Один, старший Лансере, — великолепный анималист, другой — скульптор, изображающий танец, пластику. Их творчество недвусмысленно свидетельствует о том, что русское и европейское искусство суть одно целое. Две французские фамилии, Бенуа и Лансере, соединились на русской земле, и судьбы наших народов тесно сплетены.

Какой образ России и Франции сформировался у Вас?

Французы и русские — это стратегические партнеры. Помните, Кутузов заставил французскую армию отступать по той же дороге, по которой она наступала на Москву. Австрийский маршал спросил Кутузова: «Почему Вы не уничтожите эту армию?» Кутузов, великий стратег и геополитик, ответил: «Чтобы англичане не вошли в Европу и не захватили Францию». Французы и русские всегда были очень близки, многие культурные люди говорили по-французски лучше, чем по-русски. Во времена нашествия Наполеона французский запретили, а на родном языке дворяне говорили так себе. Кстати, министерство иностранных дел в Париже расположено в старинном дворце Орловских, напротив моста Александра III. Символично. Мне самому очень близка русская литература. Я на себе ощущаю равновесие этих двух культур.

Приз «Бенуа де ля данс», присуждаемый лучшим балетным танцовщикам, учрежден в 1991 г. в Москве Международным союзом деятелей хореографии. Вы являетесь автором статуэтки-приза. Какое значение Вы придаете участию в этом проекте?

В 1989 г. в Петербурге открыли музей Бенуа. Я через Париж связался со своими кузенами, собрал много произведений потомков династии Бенуа, ныне живущих по всему миру. Из посольства Советского Союза прислали машину, и мы вывезли эти произведения в дар музею по дипломатическим каналам. Это был дар семьи музею «Дом Бенуа». Мной в музей передано 10 скульптур. Представитель Большого театра во время посещения музея увидел мои работы, потом, будучи в моем ателье в Париже, заказал статуэтку для балетного конкурса. В России это был очень тяжелый период, начало перестройки, денег совершенно не было. Я сделал скульптуру, приехал и подарил ее организаторам конкурса. А поскольку вся история началась в музее Бенуа, приз назван «Бенуа де ля данс». Согласитесь, «Устинов де ля данс» звучит тяжело для балета. В первый год конкурса я присутствовал на церемонии в Большом театре. Интерьер его, кстати, оформлен моим прадедом, архитектором А.К. Кавосом. Я был на церемонии вручения в Большом театре, меня словно окружали образы предков. Мое дитя уже отметило совершеннолетие, почти 20 лет конкурс символизирует мое творение. На днях приз в очередной раз вручал Григорович. Вообще, Россия — это страна танца, который привез туда француз Мариус Петипа. Думаю, что у балета две родины — Россия и Франция. Эти два народа представляются мне очень легкими, устремляющимися ввысь как пузырьки шампанского. И французы, и русские предпочитают мечты реальности, и эта романтика нас объединяет.

Какой Вы увидели современную Москву?

Один француз написал, что город — как память. Глядя на город,

вспоминаешь историю. В облике Москвы нет единства. Иногда это интересно, но чаще беспокоит. Геометрические офисные здания соседствуют с маленькими церквями. Это противостояние стилей в конце концов начинает раздражать. С другой стороны, оно олицетворяет контраст старой и современной русской культуры. После перестройки у России появилось огромное желание интегрироваться в европейский рынок. Однако здесь важно не повторять чужие ошибки. Бесконечные пробки на дорогах — того же порядка проблема. 20 лет назад, когда все менялось, русские хотели вскочить в последний вагон международного поезда и столько шишек набили!

Россия — это страна танца, который привез туда француз Мариус Петипа. Думаю, что у балета две родины — Россия и Франция.

Сожалеете ли Вы об утраченных ценностях?

Конечно, это очень беспокоит, но таква жизнь. Если что-то умирает, его невозможно вернуть. Мы каждый день теряем, и часто это необратимые потери. Но, перед тем как что-то делать, надо спросить себя: а нужно ли это делать, хорошо ли это?

Что именно, на Ваш взгляд, определило доминирующее семейное призвание?

Если мы возьмем семью Бенуа, это европейская многонациональная семья — англичане, французы, немцы, русские, итальянцы, испанцы. Но я думаю, что все мы пытаемся выразить и постичь общечеловеческие гуманистические ценности. Задача художника — построить мост между разными народами. Семье Бенуа это удалось. Многонациональность и любовь помогли нам понять свое призвание и создать этот мост между людьми разных культур. Екатерина и я — тоже представители гуманизма в европейской культуре. Семья Бенуа всегда была представлена в культуре: среди нас есть архитек-

торы, скульпторы, живописцы, сценографы, театральные деятели. Половина Петербурга построена представителями нашей семьи. В этом году исполнилось 140 лет со дня рождения Александра Бенуа. Мы обязательно будем отмечать его юбилей. Александр Николаевич Бенуа — пример для семьи, очень гостеприимный, открытый, не эгоцентричный, талантливый, он отличался отменным вкусом, никогда никого не осуждал. Для работ Александра Бенуа характерно тонкое чувство стиля. После революции он принимал деятельное участие в охране памятников искусства и старины, а с 1918 г. занялся еще и музейным делом — стал заведовать картинной галере-

ей Эрмитажа. Видимо, тогда необходим был такой человек, который бы запретил разрушать и ломать.

Сегодня очевидна болезненность революционного процесса во всех вариантах. Каково Ваше отношение к революциям?

Две революции оказали влияние на жизнь семьи Бенуа. Французская привела ее прапрапрапрадеда в Россию; русская революция разбросала членов этой семьи по всему свету. Семья наша никогда не любила революции, войны, предпочитали гуманизм.

Чем Вы объясните былую холодность в отношениях России и Европы?

Это было искусственное, больше политическое разделение очень близких друг другу культур. Возведение Берлинской стены, нагнетание взаимных страхов, враждебности по обе стороны от нее, барьеры в общении. Достаточно глупая ситуация. До возведения этой стены было 10–12 веков общности, территориальной и культурной. Во время празднования 65-летия Победы в параде на Красной площади

участвовали представители войск антигитлеровской коалиции. Это знаковое событие. Люди тянутся друг к другу. Я вообще думаю, что Россия — это будущее Европы. Европа нуждается в России, а Россия — в Европе. Я серьезно. Если Европа не протянет руку России, то Россия попадет под влияние Китая. У России богатые природные ресурсы, и сегодня европейцы зависят от российского газа. Знаете, есть такая поговорка: «Если европейцы победили зиму, благодарите Россию». Русские более выносливы, суровые зимы, видимо, способствуют формированию сильного характера. Если во Франции выпадает 5 см снега, наступает коллапс! Знаете, в сентябре 1988 г. во фрейлинском корпусе Петергофского дворца на открытии музея «Дом Бенуа» пожилая русская женщина подавала мне руку и сказала сквозь слезы: «Слава Богу, Европа возвращается к нам!»

Как Вы думаете, сегодня есть социальный заказ на скульптуру?

Сегодня человеку очень важно не чувствовать себя просто винтиком в большом механизме. Скульптура в этой суете и беготне напоминает о месте человека в мире, о ценности человека во Вселенной, ценности человеческой жизни во всех ее проявлениях.

Есть ли у Вас планы на будущее, связанные с Россией?

Хочу сделать настоящую ширококомасштабную выставку в России. Мои работы получили известность через музей Бенуа, там бывает около 50 тыс. посетителей в год. Но это давние работы. Хотелось бы показать новое. А еще мне бы очень хотелось посетить Саратов. Там родина моих предков, Устиновых. Там есть дом Устиновых, где расположен сегодня областной музей. Он очень милый и хорошо сохранен.

Расскажите, пожалуйста, об отце. Королева Елизавета II за гуманитарную деятельность удостоила Вашего отца звания пэра. Гуманитарная деятельность — семейная традиция Бенуа. Мой отец,

Питер Устинов, — яркий продолжатель этой традиции. Несмотря на невероятную занятость, отец решил в 1968 г. взять на себя еще и миссию посланца ООН. Он приезжал в Россию как представитель ЮНИСЕФ в очень трудный для страны период — во время первого президентства Ельцина, ездил по Сибири, побывал в Кемерове, Челябинске, посещал больницы и смотрел, какие там условия. Отец объездил весь мир, стараясь привлечь внимание к проблемам детей и к работе Детского фонда ООН, особенно к кампании ЮНИСЕФ по борьбе с недостатком трех жизненно важных для детского здоровья элементов: йода, железа и витамина А. И занимался он этим более 30 лет. Питер Устинов стал вторым Послом Доброй воли ООН. Самым первым человеком, получившим это звание и тоже отдавшим свой голос в защиту детей, был знаменитый американский актер Дэнни Кей. Он еще был почетным президентом международного движения федералистов. Как писатель, отец пытался создать реальные образы постперестроечной России для европейцев и образ Европы для россиян.

Вы участвовали в совместных проектах с отцом?

В 1998 г. мы вместе с отцом создали фонд, базирующийся в Германии. Мы финансируем проекты в Индии, Афганистане, Южной Африке, три года назад начали проект в Санкт-Петербурге (для детей, рожденных со СПИДом), в Румынии. Я говорю «мы», но отец ушел из жизни в 2004 г., совсем недавно. Все проекты были начаты вместе, при его непосредственном участии. Фонд популярен, разросся, создана целая сеть представительств. В Вене, например, есть «Устинов-институт» при университете для изучения международной истории предубеждений, предрассудков. Ежегодно мы проводим ежегодную конференцию в парламенте Вены, у нас есть специалист по предрассудкам, профессор. Мы занимаемся изданием книг, изучаем предрассудки среди эмигрантов. Это необычайно интересно. Каждый из нас может иметь

негативные и позитивные предрассудки. И это определяет очень многое в нашей жизни. Мы прежде всего изучаем негативные предрассудки и методы их преодоления, выступаем за внедрение этих проектов в образовании. Предрассудки очень опасны, деперсонализация есть результат глобализации. Предрассудки — удобнейший инструмент подавления личности и манипуляции людьми. Стереотипы — потенциально очень сильная и действенная вещь. Мы пытаемся бороться с ними, начиная со школы: издали специальное методическое пособие для учащихся и преподавателей.

Какие стереотипы бытуют во французском обществе по отношению к России?

Думают, что русские много пьют. Я с этим не всегда согласен. Бюрократическая волокита с визами наводит французов на мысли о коррупции в России. Я думаю, что русские излишне эмоциональны. Сегодня люблю без памяти, а завтра забыл. Еще французы, видимо, подсознательно испытывают страх перед огромными размерами России. Ну как это можно представить: пошел за сигаретами и пропал!

Что особенно запомнилось из детства?

Самое яркое воспоминание детства — мой первый поцелуй, мне тогда было 9 лет.

Что приводит в восторг?

Возможность творить. Я окончил Национальную школу изящных искусств в Париже. Пытался еще студентом многое узнать, всегда тянуло к реальности. Стремясь стать хорошим скульптором, считал необходимым тщательно изучать биологию. Чтобы оживить материал, надо вдохнуть в него жизнь, надо его понимать и чувствовать.

Ваше профессиональное кредо?

Работать, если ты знаешь, что делать.

ПЭС 10151/15.06.2010